

– использованием точной даты с уточняющей придаточной предикативной единицей: *28 числа на вечер приехал к генералу, когда у него никого не было;*

– указанием года и месяца: *В помянутом 1762 году в марте месяце прибыл он в Петербург.*

В результате проведенного исследования выявлено следующее: базовые признаки концепта «движение»: ‘динамичность’, ‘активность’, ‘целенаправленность’, ‘контролируемость’, ‘локативность’ – формируют трехкомпонентную структурную схему простого предложения «кто движется куда»; небазовые признаки: ‘адресованность’, ‘темпоральность’ – осложняют позиционную схему высказывания со значением «движение субъекта к определенному месту» смыслами ‘адресат’, ‘время’.

Литература

Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. – 576 с.

Булынина М.М. Глагольная каузация динамики синтаксического концепта (на материале русской и английской лексико-семантических групп глаголов перемещения объекта) / М.М.Булынина. – Воронеж: ВГУ, 2004. – 212 с.

Казарина В.И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке (к вопросу о его формировании) / В.И.Казарина. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2002. – 227 с.

Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.

Поэтическая грамматика Г.Р.Державина: на материале «Анакреонтических песен»

Т.П.Заиконникова

Казанский научный исследовательский технический университет
(КНИТУ – КАИ)
(Казань)

Ключевые слова: язык поэзии XVIII века, авторская правка Державина, морфологические разночтения

Восемнадцатый век занимает особое место в истории русского литературного языка. Языковеды неизменно приходят к выводу о том, что именно в XVIII веке на-

блюдается наиболее интересное взаимодействие старых и новых элементов систем слово- и формообразования, обостряется конкуренция между ними, что определяет основные тенденции в формировании современных литературных норм.

В своих работах, посвященных языку этого периода, исследователи широко используют материал поэтических и прозаических произведений М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, В.К. Тредиаковского, А.П. Сумарокова и других авторов. При этом остается открытым вопрос о монографическом, системном изучении языка великих М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина. Лингвисты до сих пор в большом долгу перед родоначальниками русского поэтического языка.

«Анакреонтические песни» как единый цикл еще не были объектом лингвистического исследования, тем более в качестве цельной языковой и стилистической системы, несмотря на то, что Державин – автор самого полного собрания русской анакреонтики, замечательной, оригинальной во многих отношениях.

Очень много важной и интересной информации о языковых особенностях, слоге автора может дать такой прием, как анализ разночтений, представленных в разных редакциях одного и того же текста, выявление характера авторских правок. До сих пор наиболее основательным считается гротовское издание сочинений Г. Р. Державина. Но, как показали лингвистические исследования, Я.К.Грот далеко не всегда был точен в передаче державинского языка. Он слишком вольно исправляет не только орфографию и пунктуацию оригинала, меняя их на более современные, «правильные», но и делает поправки лексические, словообразовательные, морфологические, что может даже ломать рифму и размер стиха. «Поправки в издании Я. К. Грота искажают иногда не только отдельные слова и формы, но охватывают целые грамматические категории и классы слов» [Петрова 1965: 284]. Так, Я. К. Грот упорно исправляет формы им. мн. существительных среднего рода типа *солнцы, кольца, чувства* на более «правильные» *солнца, кольца, чувства*; прилагательные *поздний, дальний, давний* заменяет на *поздний, дальний, давний*, хотя синонимия прилагательных с твердой и мягкой основой была весьма характерным явлением не только для XVIII, но и для XIX века; весьма искаженное представление складывается о соотношении форм прилагательных на –ый и –ой, если судить по гротовским поправкам, хотя сам Державин дифференцировал эти формы стилистически.

Такая позиция издателя кажется странной, поскольку сам Я. К. Грот так писал о значимости авторского текста, о необходимости максимально точной его передачи: «В издании автора, который исправлял и переделывал свои выражения, необходимо дать читателю возможность следить за постепенным ходом сочинения и как бы присутствовать при самой работе писателя. Часто одна какая-нибудь новая черта мысли, изменения одного слова важны или любопытны для наблюдений над развитием таланта, над законами языка, слога или искусства» [Сочинения Г.Р.Державина 1864:37].

Вопреки довольно распространенному представлению о недостаточной отточенности поэтического языка Г. Р. Державина мы утверждаем, что поэт с большой тщательностью отделял язык своих произведений, продумывая мельчайшие детали слово – и формоупотребления, весьма полно и точно отражая при этом характерные особенности языка своего времени.

На примере анализа авторской правки стихов, входящих в цикл анакреонтических песен, мы можем увидеть эту кропотливую, осмысленную работу Г. Р. Державина над языковой формой стиха. Впервые такого рода анализ на материале поэтических произведений Г. Р. Державина был сделан профессором В.М. Марковым [Марков 1993]. Нам показалось интересным провести подобное исследование, сосредоточившись лишь на цикле анакреонтических песен. Они дают богатейший материал для наблюдений за соотношением старых и новых, стилистически маркированных и нейтральных грамматических форм разных частей речи. Отметим лишь некоторые из них.

В соотношении флексивных синонимов на –и /-ы и на –а ударное в им.-вин. мн. ч. существительных мужского рода наблюдается, хотя и не всегда, замена старых форм на новые, например: поящий *луги*, доли злачны, но: *луга* поящий, доли злачны («Ключ»). В родит. падеже мн. ч. существительных среднего рода часты замены старых форм на –ев новыми формами с нулевым окончанием. Формы типа *желаньев*, *страданийев*, *приказанийев* были вполне обычными для ХУШ века, употребление их в языке тех или иных авторов могло быть практически нормой. Державин же все чаще предпочитает генитивные образования с нулевой флексией, причем, не только для существительных среднего рода, но и для имен женского рода типа *лилия*, *стихия*. Так, в черновике стихотворения «Бессмертие души» находим – Коль можно, чтобы царь всемирный,/ Господь *стихийев*, вещества,/ являлся с славою такою; после правки – Господь *стихий* и вещества.

В отличие от предыдущих форм им.-вин. и род. мн. практически не устраняются формы им.-вин. мн. ч. существительных среднего рода с флексией –ы, –и. Вызванные взаимодействием имен мужского и среднего рода в парадигме 2-ого склонения, эти образования оказались достаточно живучими и в ХVIII, и в первой половине ХIX века, вытесняя закономерные формы на –а. В песнях Державина мы не обнаружили ни одной замены формы с флексией –ы /-и на форму с флексией –а. Показательно в этом отношении стихотворение «На брачные торжества». В черновиках трижды используется соответствующая форма этого существительного, но лишь 1 раз – с флексией –а. В окончательном тексте поэт даже в названии закрепляет форму *торжества*.

Требует более внимательного рассмотрения параллелизм форм с безйотовой и йотовой основами во мн. ч. существительных мужского и среднего рода типа *лист*,

дерево, крыло. В качестве современной нормы закрепились образования с формообразующим суффиксом –j- вроде *листья* (лист дерева), *деревя, крылья*. Г. Р. Державин использует обе возможные формы, но, судя по нашим наблюдениям, обычно выбирает безйотовые параллели. Примечательно, что таковы же пристрастия Ломоносова: в «Российской грамматике» он приводит формы *листья, брусья, колья, деревья*, но в своей писательской практике, и в поэтических текстах, и в научной прозе, явно предпочитает использовать формы без йота в основе.

Вынужденно опускаем анализ таких явлений грамматической синонимии, как соотношение флексий –ой и –ий(–ый) в прилагательных; разграничение полных, кратких и усеченных прилагательных. Прокомментируем лишь случаи замены т.н. притяжательных прилагательных сочетаниями родительного принадлежности. В стихотворении «Пленник» есть лишь одна авторская поправка: в черновике было – но *пленникову* долю / Хоть выкуп сей прервет. В тексте окончательно: Но *пленника* пусть долю / Хоть выкуп сей прервет. Мы наблюдаем здесь реакцию чуткого к языку поэта на очень важный процесс вытеснения т.н. притяжательных прилагательных, весьма продуктивных в древнерусском языке, в языке всех последующих периодов, но в начале XIX века резко вышедших из употребления.

В сфере глагольного формообразования и словоизменения следует выделить прямолинейно и последовательно действующую тенденцию к закреплению в качестве нормы суффикса инфинитива с редукцией гласного, то есть форм на –ть. Замена старых инфинитивов на –ти отмечается буквально во всех стихотворениях Г. Р. Державина, написанных в семидесятые годы.

В заключение следует сказать об уникальности того языкового материала, который обнаруживается в «Анакреонтических песнях». Г. Р. Державин, будучи удивительно чутким и восприимчивым мастером слова, сумел отразить в языке своих произведений всю сложнейшую палитру явлений, процессов и тенденций, определивших состояние русского литературного языка конца XVIII – начала XIX века. Его реакция на все эти динамичные явления, глобальные и менее яркие изменения требует глубокого и тонкого анализа, который даст возможность исследователям понять диалектически связанные разнородные факторы, обуславливавшие множество разноуровневых преобразований.

Литература

Державин Г.Р. Анакреонтические песни / Под редакцией Г.П.Макогоненко – М.: Наука, 1987. – 471с.

Марков В.М. Из лингвистических наблюдений над разновременными редакциями стихотворений Г.Р.Державина / В.М.Марков // Г.Державин. История и современность. – Казань, Изд-во Казанского университета, 1993. – 251с.

Петрова З.М. К вопросу об издании литературных памятников XVIII века / З.М.Петрова // Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века. – М. – Л.: Наука, 1965. – 311с.

Сочинения Г.Р.Державина с объяснительными примечаниями Я.Грота. – Издание 2-ое. – СПб., 1868-1878. – Т.2.

Человеческий фактор в языке: Гавриил Романович Державин

В. В. Катермина

Кубанский государственный университет

(Краснодар)

Ключевые слова: человеческий фактор, языковая картина мира, русская поэзия

*Язык всем знаниям и всей природе ключ,
Во слове всех существ содержится картина
Г.Р. Державин*

Человек – точка отсчета в анализе явлений, он вовлечен в этот анализ и конечные цели. Исследование человеческого фактора в языке, как утверждают лингвисты, тесно связано с изучением картины мира. В этой связи закономерным представляется тот факт, что сам термин «картина мира» антропоморфен, так как фиксирует прежде всего потребности человека в познании мира. Необходимо отметить: картина мира – не зеркальное отражение мира, а некоторая его интерпретация. Она, по мнению исследователей, одновременно космологична (представляет собой глобальный образ мира) и антропоморфна (несет черты своего создателя, отражает специфику человеческого способа миропостижения).

Языковую (так же называемую некоторыми исследователями – «наивную») картину мира принято интерпретировать как отражение обиходных, обывательских представлений о мире. Идея языковой модели мира состоит в следующем: в каждом естественном языке отражается определённый способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка. Ю. Д. Апресян языковую картину мира называет наивной в том смысле, что научные определения и языковые толкования не всегда совпадают по объёму и даже содержанию [Апресян 1995].

Следует учесть, что восприятие той или иной ситуации, того или иного объекта находится в прямой зависимости также и от субъекта восприятия, от его фоновых знаний, опыта, ожиданий, от того, где располагается он сам что непосредственно на-